

Древне- русская литература

ХРЕСТОМАТИЯ

ПАМЯТНИКИ
ЛИТЕРАТУРЫ
КИЕВСКОЙ
РУСИ
(IX — НАЧАЛО
XIII В.)

ПОВЕСТЬ
ВРЕМЕННЫХ
ЛЕТ

(Отрывки)

«Повесть временных лет», повествующая о событиях IX—XI веков, окончательно оформилась в начале XII столетия и пользовалась огромной популярностью на протяжении всего средневековья. В создании этого летописного свода приняли участие ряд лиц, в числе которых называют Нестора, монаха Киево-Печерской лавры, и игумена Выдубецкого монастыря Сильвестра. Древнейшими сборниками, включившими в себя «Повесть временных лет», являются так называемые Лаврентьевская и Ипатьевская летописи (первая датирована 1377 годом, вторая — 20-ми годами XV столетия).

Вот повести минувших лет,
откуда пошла Русская земля,
кто в Киеве стал первым
княжить и как возникла Русская
земля

[Легенда о посещении апостолом Андреем¹ Киева и Новгорода]. Когда Андрей учил в Синопе² и прибыл в Корсунь³, он узнал, что недалеко от Корсуни — устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье Днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать божия, будет великий

город и воздвигнет бог много церквей». И взошёл на гору эти, благословил их, и поставил крест, и помолился бог, сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отвился по Днепру вверх. И прошел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каковы их обычаи и как моются и хлещутся, и удивился им. И отвился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: «Удивительное видел в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся, и будут лежать на них, и обольются квасом кожевненным, и поднимут на себя молодые прутья, и бьют сами себя, и до того себя добьются, что едва слезут, еле живые, и тогда обольются водою холодной, и только так оживут. И делают это всякий день, кем же не мучимые, но сами себя мучат, и это совершают по своему обычаю, а не мученье». Те, кто слышал об этом, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

[Предание об основании Киева]. Поляне⁴ же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и те, и те братья (о которой речь в дальнейшем) были уже по имени, и жили они родами на своих местах, управлялись каждый своим родом. И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их была — Либа⁵. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, Щек сидел на горе, которая ныне называется Щековица, Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата и называли его Киев. Был кругом города лес и бор великий, ловили там зверей. И были те мужи мудры и смыслены, назывались они полянами, от них поляне и до сего дня в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Дуная, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Однако если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил к царю — не знаем только, к какому царю, но только знаем, что великие почести воздал ему, как говорят, тот царь, которым он приходил. Когда же он возвращался, пришел на Дунай, и облюбовал место, и срубил небольшой городок, и хотел обосноваться в нем со своим родом, но не дали близживущие. Так и доныне называют придунайские славяне городище то Киевец. Кий же, вернувшись в свой

род Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

[Поход Олега на Царьград]. В год 6415*. Пошел Олег⁷ на греков, оставив Игоря⁸ в Киеве; взял же с собою множество варягов и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцов, известных как толмачи: этих всех называли греки «Великая Скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом 2000. И пришел к Царьграду⁹, греки же замкнули Суд¹⁰, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам; и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого заватили в плен, одних иссекли, других мучили, иных же расстреляли стрелами, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно на войне поступают.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли со стороны поля к городу. Греки же, увидев то, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но он не принял го, так как было оно отравлено. И испугались греки, и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от бога». И приказал Олег дать дани на 2000 кораблей: по 2 гривен на человека, а было в каждом корабле по 40 мусей...

И так царь Леон и Александр заключили мир с Олегом¹¹; обязались уплачивать дань и ходили ко взаимной присяге: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием Перуном, их богом, и Волосом — богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для Руси паруса из паволок, а славянам полотняные». И было так! И повесил щит вой на воротах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла Русь паруса из паволок, а славяне полотняные, и разодрал их ветер. И сказали славяне: «Возьмем свои простые паруса, не дались славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото и паволоки, и плоды, и вино, и

* В древней Руси летоисчисление велось «от сотворения мира». Для перевода на современное летоисчисление следует от указанной в тексте памятника даты вычесть число 5508.

всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

[Смерть Олега от своего коня]. И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и помянул Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников¹²: «Отчего я умру?». И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездешь, — от него тебе умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, — на пятый год помянул он своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов, и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Не право говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого черепа смерть мне принять?». И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Плакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемой Щековица. Есть же могила его и доньше, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три.

[Начало княжения Святослава¹³, сына Игорева, и осада Искоростеня]. В год 6454. Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю, и вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копье в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило ему в ногу, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенльд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем», и победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как жители его убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в нем и крепко боролись из города, ибо знали, что, убив князя, не на что им надеяться после сдачи.

И стояла Ольга все лето и не могла взять города. И замыслила так: послала она к городу со словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и обязались выплачивать дань, и уже возделывают свои нивы и земли, а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голода». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что-де «Я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву в первый раз и во второй, а в третий раз мстила я, когда устроила тризну по своему муже. Больше уже не хочу мстить, — хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь с нас? Мы рады дать тебе мёд и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни мёду, ни мехов, потому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас этой малости». Древляне же обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти. Идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и поведали обо всем людям, и обрадовались люди в городе.

Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждой птице. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьёв. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи. И так загорелись где голубятни, где клетки, где сараи и сеновалы. И не было двора, где бы не горело. И нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. И так взяла город и сожгла его, городских же старейших забрала в плен, а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

[Сватовство византийского императора]. В год 6463. Отправилась Ольга в Греческую землю¹⁴ и пришла к Царьграду. И царствовал тогда цесарь Константин, сын Льва¹⁵,

и пришла к нему Ольга, и увидел царь, что она очень красива лицом и разумна, подивился ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Она, уразумев смысл этого обращения, ответила цесарю: «Я язычница. Если хочешь крестить меня, то крести меня сам — иначе не крещусь!» И крестил ее царь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом. И наставил ее патриарх в вере и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские потомки в грядущих поколениях твоих внуков». И дал ей заповеди о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении тела в чистоте. Она же, наклонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая; и поклонилась патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыка, пусть буду сохранена от сетей дьявольских». И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице — матери Константина Великого¹⁶. И благословил ее патриарх и отпустил. После крещения призвал её царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены себе». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью. А у христиан не разрешается это — ты сам знаешь». И сказал ей царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары — золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные; и отпустил ее, назвав своею дочерью. Она же, собравшись домой, пришла к патриарху, и попросила у него благословения вернуться, и сказала ему: «Люди мои и сын мой язычники, да сохранит меня бог от всякого зла». И сказал патриарх: «Чадо верное! В Христа ты крестилась и в Христа облеклась, и Христос сохранит тебя...» И благословил ее патриарх, и отправилась она с миром в свою землю и пришла в Киев. Произошло это как при Соломоне: пришла царица эфиопская к Соломону¹⁷, стремясь услышать многую премудрость Соломона, и увидела свидетельство этой мудрости. Так же и эта блаженная Ольга искала настоящей божественной мудрости, но та (царица эфиопская) — человеческой, а эта — божьей. «Ибо ищущие мудрости найдут». «Премудрость на перекрестках возглашает, на путях возвышает голос свой, на городских стенах проповедует, в городских воротах громко говорит: доколе невежды будут любить невежество». Эта же блаженная Ольга с малых лет искала мудрости, что есть самое лучшее в свете этом, и нашла многоценный жем-

чуг — Христа. Ибо сказал Соломон: «Желание благоверных приятно для души», и «Наклонишь сердце твое к размышлению»; «Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня». Господь сказал: «Приходящего ко мне не изгоню вон».

[Князь Святослав]. В год 6472. Когда Святослав вырос и возмужал, стал собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подостлав потник, с седлом в головах. Такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Я хочу на вас итти». И пошел на Оку-реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал им: «Кому дань даете?». Они же ответили: «Хазарам — по щелягу от рала даем...»¹⁸

...В год 6476. Пришли впервые печенеги¹⁹ на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга в городе Киеве со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города. И нельзя было ни выйти из города, ни вести послать. И изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях, и стояли на том берегу. И нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из Киева к ним. И стали тужить люди в городе, и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, — сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь», и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?». Ибо знал он по-печенежски и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал на это: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в горо-

де закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную.

И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: «Кто это пришел?». А тот ответил ему: «Люди той стороны Днепра». Печенежский князь снова спросил: «А ты не князь ли уж?» Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы пригрозить печенегам. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы, а тот дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города. И нельзя было вывести коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул. А нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Услышав эти слова, Святослав с дружиною скоро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов, прогнал печенегов в поле, и наступил мир.

[Война Святослава с греками]. В год 6479. Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву против Святослава, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть! Постоим же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу итти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невмоготу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань на всю свою дружину и скажи, сколько вас, чтобы разочлись мы по числу дружинников твоих».

Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», но прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч.

И выставили греки против Святослава сто тысяч, и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их, — сильно испуга-

лись такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрадим земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвые не принимают позора. Если же побежим, — позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполнились русские, и была жестокая сеча, и одолев Святослав, а греки бежали.

И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и донныне пусты. И созвал царь бояр своих в па-

Рис. 1. Битва князя Святослава с печенегами

лату, и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки». И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказавши ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями!» Он же взял дары и пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном, и сказал Святослав: «Введите их сюда». Те вошли и поклонились ему и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте».

Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли-де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них, — приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же взял и стал царя хвалить, выражать ему любовь и благодарность.

Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань, сколько хочешь». Ибо только немного не дошел он до Царьграда. И дали ему дань. Он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет-де за убитого род его». Взял и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою и меня», так как многие были убиты в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

[Сказание о Кожемяке²⁰]. В год 6500. Пошел Владимир²¹ на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне [Днепра] от Сулы²², Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту сторону.

И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись.

Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился и разодрал кожу руками».

Услышав об этом, князь обрадовался, и послал за ним, и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот ответил: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, — испытайте меня: нет ли большого и сильного быка?» И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; возложили на него раскаленное железо и пустили. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться».

На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Есть ли муж? Вот наш готов!». Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И измерили место между обоими войсками, и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали их. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того, и назвал его Переяславцем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

[Пирь Владимира]. И раздавали тем [воинам] все несбходимое. И еще нечто большее делал он для людей своих: каждое воскресенье решил он на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходить туда боярам, и гридям, и сотским, и десятским, и лучшим мужам — и при князе, и без князя. Бывало там множество мяса — говядины и дичины, было в изобилии всякое яство. Когда же, бывало, подопьются, то начнут роптать на князя, говоря: «Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными». Услышав это, Владимир повелел исковать серебряные ложки, сказав так: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра». Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны...

[Забота Ярослава²³ о просвещении]. В год 6545. Заложил Ярослав город большой, у которого сейчас Золотые ворота, заложил и церковь святой Софии, митрополию, и затем церковь святой Богородицы благовещения на Золотых воротах, затем монастырь святого Георгия и святой Ирины. При нем начала вера христианская плодиться и распространяться, и черноризцы стали множиться, и монастыри появляться. Любил Ярослав церковные уставы, попов очень жаловал, особенно же черноризцев, и к книгам проявлял усердие, часто читал их и ночью и днем. И собрал книгописцев множество, которые переводили с греческого на славянский язык. И написали они много книг, по которым верующие люди учатся и наслаждаются учением божественным.

Рис. 2. Князь Ярослав Мудрый.
Реконструкция М. Герасимова

Как бывает, что один землю распашет, другой же засеет, а третьи пожинают и едят пищу неоскудевающую, так и здесь. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение получая книжное.

Велика ведь бывает польза от учения книжного; книги наставляют и научают нас пути покаяния, ибо мудрость обретаем и воздержание в словах книжных. Это — реки, напояющие вселенную, это — источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержания. Мудрость велика, как и Соломон, прославляя ее, говорил: «Я, премудрость, вселила свет и разум и смысл я призвала. Страх господень... Мои советы, моя мудрость, мое утверждение, моя крепость. Мною цесари царствуют, а сильные пишут правду. Мною вельможи кичатся и мучители управляют землею. Я любящих меня люблю, ищущие меня найдут благодать». Если поищешь в книгах мудрости прилежно, то найдешь великую пользу для души своей. Кто ведь книги часто читает, тот беседует с богом или со святыми мужами. Читая пророческие беседы и евангельские и апостольские поучения и жития святых отцов, получаем для души великую пользу.

Ярослав же этот, как мы сказали, любил книги и, многих переписав, положил в церкви святой Софии, которую создал сам...

[Ослепление Василька Теробовльского]. В год 6605... И пришли Святополк с Давыдом²⁴ в Киев, и рады были люди все, но только дьявол огорчен был их любовью. И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они говорить Давыду Игоревичу, что «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя». Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать ему на Василька: «Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь злоумышляет против меня и тебя и соединился с Владимиром? Позаботься же о своей голове». Святополк же сильно смутился и сказал: «Правда это или ложь, не знаю». И сказал Святополк Давыду: «Если правду говоришь, бог тебе свидетель; если же от зависти говоришь, бог тебе судья». Святополк же пожалел о брате своем и про себя стал думать, не правда ли это? И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они думать о Васильке. А Василько этого не знал, и Владимир тоже. И стал Давыд говорить: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». И послушался его Святополк.

И пришел Василько 4 ноября, и перевезся на Выдобечь, и пошел поклониться к святому Михаилу в монастырь, и ужинал тут, а обоз свой поставил на Рудице; когда же наступил вечер, вернулся в обоз свой. И на другое же утро

прислал к нему Святополк, говоря: «Не ходи от имени моих», Василько же отказался, сказав: «Не могу медлить, как бы не случилось дома войны». И прислал к нему Давыд: «Не уходи, брат, не ослушайся брата старшего». И не захотел Василько ослушаться. И сказал Давыд Святополку: «Видишь ли, не помнит о тебе, ходя под твоей рукой. Когда же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет все твои города — Туров, Пинск и другие города твои. Тогда помянешь меня. Но призови его теперь, схвати и отдай мне».

И послушался его Святополк и послал за Васильком, говоря: «Если не хочешь остаться до имени моих, то приди сейчас, поприветствуешь меня и посидим все с Давыдом». Василько же обещал прийти, не зная об обмане, который замыслил на него Давыд. Василько же, сев на коня, поехал, и встретил его отрок и сказал ему: «Не езди, княже, хотят тебя схватить». И не послушал его, помышляя: «Как им меня схватить? Только что целовали крест, говоря: если кто на кого пойдет, то на того будет крест и все мы». И, подумав так, перекрестился и сказал: «Воля господня да будет». И приехал с малою дружиной на княжеский двор.

И вышел к нему Святополк, и пошли в избу, и пришел Давыд, и сели. И стал говорить Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уже и обозу велел идти вперед». Давыд же сидел как немой. И сказал Святополк: «Позавтракай хоть, брат». И обещал Василько позавтракать. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь». И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха, ибо был объят ужасом и обман имел в сердце. И, посидевши немного, спросил Давыд: «Где брат?» Они же сказали ему: «Стоит на сенях». И, встав, сказал Давыд: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И, встав, вышел вон.

И как скоро вышел Давыд, заперли Василька — 5 ноября — и оковали его двойными оковами, и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что сказал ему Давыд, что «брата твоего убил, а против тебя соединился с Владимиром и хочет тебя убить и города твои захватить». И сказали бояре и люди: «Тебе, князь, следует беречь голову свою. Если правду сказал Давыд, пусть понесет Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть сам примет мечь».

от бога и отвечает перед богом». И узнали игумены и стали просить за Василька Святополка; и отвечал им Святополк: «Это все Давыд». Узнав же об этом, Давыд начал подущать на ослепление: «Если не сделаешь этого, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить его, но Давыд не хотел, остерегаясь его.

И в ту же ночь повезли Василька в Белгород — небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в телеге закованным, высадили из телеги и повели в избу малую. И, сидя там, увидел Василько торчина, точившего нож, и понял, что хотят его ослепить, и возопил к богу с плачем великим и со стенаньями. И вот влезли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька и хотели его повалить; и боролись с ним крепко и не смогли его повалить. И вот влезли другие, и повалили его, и связали его, и, сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по сторонам доски Сновид Изечевич и Дмитр и не могли удержать его. И подошли двое других и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков, держа нож, и хотел ударить ему в глаз, и, промахнувшись глаза, перерезал ему лицо, и видна рана та у Василька поныне. И затем ударил его в глаз, и исторг глаз и потом — в другой глаз, и вынул другой глаз. И был он в то время, как мертвый.

И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу как мертвого, повезли во Владимир. И когда везли его, остановились с ним, перейдя Воздвиженский мост, на торговище и стащили с него сорочку, всю окровавленную, и дали попадье постирать. Попадья же, постирав, надела на него, когда те обедали; и стала оплакивать его попадья, как мертвого. И услышал плач и сказал: «Где я?» И ответили ему: «В Воздвиженске городе». И попросил воды, они же дали ему. И испил воды, и вернулась к нему душа его, и опомнился, и пощупал сорочку, и сказал: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той сорочке кровавой смерть принял и предстал бы в ней перед богом». Те же, пообедав, поехали с ним быстро на телеге по неровному пути, ибо был тогда месяц «неровный» — грудень, то есть ноябрь. И пришли с ним во Владимир на шестой день. Прибыл же и Давыд с ним, точно некий улов уловив. И посадили его во дворе Ва-

кееве, и приставили стеречь его тридцать человек и двух отроков княжих, Улана и Колчка.

Владимир же, услышав, что схвачен Василько и ослеплен, ужаснулся, заплакал и сказал: «Не бывало еще в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла».

Перевод отрывков, сделанный по тексту Лаврентьевской летописи, взят из книги «Повесть временных лет» (М.—Л., изд-во АН СССР, серия «Литературные памятники», 1950).

¹ Андрей — по христианскому преданию, апостол, один из первых учеников Христа. В византийской церковной литературе рассказывалось о его миссионерской деятельности в Крыму.

² Синоп — в то время порт на южном побережье Черного моря, греческая колония.

³ Корсунь — в то время греческая колония в Крыму (Херсонес Таврический).

⁴ Поляне — славянские племена, жившие по среднему течению Днепра.

⁵ Имена Кий, Щек, Хорив и Лыбедь в исторических памятниках не упоминаются. Рассказ об основании Киева легендарен.

⁶ Подъем Боричев — улица в Киеве; вела с берега Днепра к центру города.

⁷ Олег — великий новгородский князь (время правления его по летописному своду определяется 879—912 гг.); перенес столицу из Новгорода в Киев. Подчинив своей власти ряд славянских племен, Олег предпринял поход на столицу Византии — Константинополь.

⁸ Игорь — преемник Олега, умер в 945 г.

⁹ Царьград — древнерусское название города Константинополя (ныне Стамбул).

¹⁰ Суд — залив Золотой Рог, близ Константинополя.

¹¹ Поход Олега против Византии — исторически достоверный факт. Однако летописец, не располагавший текстом договора, сообщает неправильную дату — 907 г. Договор был заключен 2 сентября 911 г.

¹² Волхвы и кудесники — у восточных славян волшебники, «предсказывавшие» будущее.

¹³ Святослав — сын Ольги и Игоря, киевский князь, умер в 973 г.

¹⁴ Княгиня Ольга действительно совершила путешествие в Константинополь, однако следующий далее

рассказ о сватовстве византийского императора является вымыслом.

¹⁵ Византийский император Константин VII Багрянородный, сын Льва VI Философа (912—959 гг.).

¹⁶ Константин Великий — византийский император (с 306 г.), сделал христианство господствующей религией.

¹⁷ Соломон — царь объединенного царства Израиля и Иудеи (993—953 гг. до н. э.), сын Давида. В библейской традиции правление Соломона представлено временем расцвета древней Палестины, а сам Соломон — мудрейшим из людей; ему приписывались некоторые произведения библейской литературы, в том числе «Песнь песней». Легенды о посещении Соломона царицей эфиопской (царицей Савской) были широко распространены на Ближнем Востоке (нынешний император Эфиопии ведет свою родословную от Соломона).

¹⁸ Щеляг — название монеты, рал — соха, плуг.

¹⁹ Печенеги — племена, кочевавшие в причерноморских степях, отделявших Русь от Византии; Византия использовала их для борьбы со Святославом.

²⁰ Кожемяка — легендарная личность; в исторических памятниках не упоминается.

²¹ Князь киевский Владимир Святославич (980—1015 гг.), выдающийся государственный деятель древней Руси. При нем Русь приняла христианство. Был причислен церковью к лику святых.

²² Сула — левый приток Днепра.

²³ Ярослав Владимирович — киевский князь (1019—1054 гг.).

²⁴ Святополк — князь киевский, Давыд — князь владимир-волынский. Автором сказания об ослеплении князя Василька Теремовльского был некий Василий, предположительно, очевидец событий.